

ПЕШКОВ Борис Сергеевич,
аспирант ФГБОУ ВО «Государственный
университет управления», руководитель
проекта Департамента стратегических проектов
Общероссийской общественно-государственной
просветительской организации «Российское
общество «Знание»,
e-mail: b.peshkov@znanierussia.ru

ОСНОВАНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ТРЕБОВАНИЯ ПРИ НЕФОРМАЛЬНОМ УЧАСТИИ В ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию оснований возникновения гражданско-правового требования при неформальном участии гражданина в добровольческой (волонтерской) деятельности, а также проблеме их предварительной правовой квалификации при отсутствии либо неполноте письменного оформления отношений с организатором или благополучателем. Общая теория конкуренции договорного и деликтного оснований иска разработана в цивилистике достаточно подробно, однако ее механическое перенесение в добровольческую сферу не учитывает специфического сочетания признаков, нехарактерного для обычного возмездного оборота: диспозитивности письменной формы, безвозмездности деятельности и организационно-информационной асимметрии между организатором и добровольцем. В статье обосновывается самостоятельный квалификационный фактор – степень индивидуализации обязанности организатора, – позволяющий разграничить факт добровольческого участия и факт возникновения конкретного обязательства. Формулируется специальная для добровольческих отношений опровержимая презумпция внедоговорной квалификации требования при недоказанности индивидуализированной договорной обязанности, отграничиваемая от смежных процессуальных презумпций гражданского права. Обосновывается возложение риска неопределенности содержания добровольческого взаимодействия на организатора как субъекта, формирующего порядок участия и располагающего преимущественными возможностями документирования условий. Раскрывается автономный характер внедоговорной защиты абсолютных благ добровольца независимо от существования договора.

Ключевые слова: добровольческая деятельность, волонтер, доброволец, основание гражданско-правового требования, договорная ответственность, внедоговорная ответственность, распределение доказательственного риска, абсолютные блага.

PESHKOV Boris Sergeevich,
postgraduate student, State University of
Management, project manager, Department of
Strategic Projects, Russian «Znanie» Society

GROUND FOR CIVIL LAW CLAIMS ARISING FROM INFORMAL PARTICIPATION IN VOLUNTEER ACTIVITY: CLASSIFICATION ISSUES

Annotation. The article is devoted to the study of the grounds for the emergence of civil-law claims arising from a citizen's informal participation in voluntary (volunteer) activities, as well as to the problem of their preliminary legal classification in the absence or incompleteness of written formalization of relations with the organizer or beneficiary. The general theory of the competition between contractual and tortious grounds of claim is well developed in civil law doctrine, but its mechanical transfer to the volunteering sphere disregards a combination of features atypical for ordinary remunerated turnover: the dispositive nature of the written form,

the gratuitous character of the activity, and the organizational-informational asymmetry between the organizer and the volunteer. The article substantiates an independent qualifying factor — the degree of individualization of the organizer's duty — allowing the distinction between the mere fact of volunteer participation and the fact of the emergence of a specific obligation. A rebuttable presumption of tortious qualification of the claim is formulated for volunteer relations in the absence of proof of an individualized contractual duty, distinguished from adjacent procedural presumptions of civil law. The allocation of the risk of uncertainty regarding the content of volunteer interaction to the organizer is substantiated. The autonomous nature of non-contractual protection of the volunteer's absolute goods, irrespective of the existence of a contract, is disclosed.

Key words: *volunteer activity, volunteer, ground for a civil law claim, contractual liability, tortious liability, allocation of evidentiary risk, absolute goods.*

Добровольческая деятельность относится к числу социально значимых форм гражданской активности, правовое оформление которой во многих случаях уступает фактической динамике взаимодействия участников [4]. Волонтер может быть привлечен к мероприятию личным приглашением, перепиской в мессенджере, размещением задания на цифровой платформе, включением в чат группы либо устным распоряжением координатора. После выполнения поручения может возникнуть вопрос о возмещении произведенных расходов, компенсации стоимости поврежденного имущества, ответственности за недостаточность выданного снаряжения или последствиях причинения вреда здоровью.

Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» (далее – 135-ФЗ) определяет добровольческую деятельность как добровольное и безвозмездное выполнение работ и (или) оказание услуг в общественно полезных целях. Статья 17.1 135-ФЗ допускает закрепление условий участия добровольца в гражданско-правовом договоре с благополучателем, организатором добровольческой деятельности или добровольческой организацией и называет возможные формы поддержки – питание, форменную и специальную одежду, оборудование, средства индивидуальной защиты, оплату проезда и услуг связи, страхование, возмещение расходов, – однако прямо связывает предоставление такой поддержки с наличием законодательного или договорного основания [2]. Диспозитивный характер письменного оформления применительно к части отношений создает ситуацию, при которой фактическое взаимодействие существует, а документально установленное содержание взаимных обязанностей при этом отсутствует.

В подобных условиях основным вопросом становится установление юридического основания гражданско-правового требования и его предварительная квалификация. До выбора предусмотренного статьей 12 Гражданского кодекса Российской Федерации способа защиты необходимо определить, возникла ли спорная обязанность из договора, вследствие причинения

вреда, неосновательного обогащения либо иного юридического факта. Ошибка на данной стадии способна повлечь неверное распределение бремени доказывания, необоснованное ограничение объема возмещения либо, напротив, распространение договорного режима на отношения, содержание которых сторонами никогда не согласовывалось.

Общая теория конкуренции договорного и деликтного оснований иска: правило о приоритете договорного требования при доказанном обязательстве, о субсидиарном характере деликтной защиты, об автономии охраны абсолютных благ независимо от договора, о праве суда самостоятельно квалифицировать спорное отношение независимо от позиции истца, – разработана в цивилистике достаточно детально [1, 3, 11]. Цель настоящего исследования состоит в определении оснований возникновения гражданско-правовых требований при неформальном участии в добровольческой деятельности, а также в выявлении специфического, нормативно обусловленного признака данной сферы, требующего адаптации общей теории разграничения договорных и внедоговорных требований.

Для типичного гражданско-правового спора между профессиональными участниками оборота ключевой вопрос квалификации сформулирован предельно просто: существовал ли договор и нарушено ли его условие [5]. Ответ на данный вопрос, как правило, не вызывает системных затруднений, поскольку возмездный характер отношений и предпринимательский статус сторон предполагают заключение договора в письменной форме, содержание которой поддается прямому установлению.

Применительно к добровольческой деятельности данного вопроса недостаточно. Диспозитивность письменной формы соответствующего договора, установленная статьей 17.1 135-ФЗ, означает, что участники могут реально выполнять задания, использовать переданное оборудование, подчиняться организационным распоряжениям координатора без какого-либо документа, из которого возможно непосредственно установить обязанности организатора [6]. Из этого

следует необходимость введения дополнительно, промежуточного квалификационного фактора, отсутствующего в общей теории конкуренции договорного и деликтного требований: степени индивидуализации обязанности организатора.

Для установления указанной степени индивидуализации обязанности организатора необходимо определить и разграничить три различных факта: факт участия гражданина в конкретном мероприятии добровольческой деятельности; факт организационного руководства данным мероприятием со стороны организатора; факт принятия организатором определенной, индивидуализированной обязанности перед конкретным добровольцем.

Первый и второй факты, как правило, устанавливаются легко и практически бесспорны – их подтверждают регистрация мероприятия и добровольца на Единой информационной системе в сфере развития добровольчества ДОБРО.РФ, переписка о привлечении к мероприятию, показания свидетелей. Третий факт требует принципиально иного уровня доказывания: необходимо установить не общее намерение содействовать добровольческой деятельности, а согласование того, кто, что, в каком объеме, в какой срок и за счет каких средств должен предоставить или возместить. К примеру, участие гражданина в экологической акции не подтверждает без дополнительной конкретизации обязанность организатора оплатить его проезд; включение добровольца в поисковую группу не означает автоматически принятия организатором обязательства компенсировать стоимость личного снаряжения; устное предложение принять участие в мероприятии не создает само по себе обязанности обеспечить добровольца питанием.

Таким образом, определяющим для квалификации выступает не сам факт добровольческого взаимодействия и не факт организационного вовлечения гражданина, а доказанность индивидуализированной обязанности, из содержания которой заявитель выводит свое требование. Источниками доказывания такой обязанности в случае отсутствия письменного договора может выступать электронная переписка, сообщение координатора, опубликованные правила участия, смета мероприятия, решение уполномоченного органа организации, документы о передаче оборудования; значение имеет возможность установить содержание обязанности и ее связь с участием конкретного добровольца.

Добровольческая деятельность производит неопределенность источника и содержания обязанности в результате сочетания нескольких обстоятельств, нехарактерного для обычного возмездного оборота.

Безвозмездный характер выполнения работ

или оказания услуг лишает добровольца стандартного имущественного эквивалента исполнения, что влияет на состав возместимых имущественных потерь и исключает категорию «ожидаемого дохода» от добровольческой активности. Диспозитивность форм поддержки добровольца организатором порождает необходимость установления оснований и объема обязанности применительно к конкретному отношению. Наконец, отношения между организатором добровольческой деятельности и волонтером порождают информационную и доказательственную асимметрию: организатору структурно проще зафиксировать условия участия, тогда как доброволец обычно присоединяется к уже сложившемуся порядку, не участвуя в его формировании.

Совокупное действие данных факторов образует специфический признак добровольческой деятельности, отсутствующий в обычном возмездном обороте: системное производство неопределенности источника и содержания обязанности, прямо влияющее на квалификацию предъявляемого требования. Именно в данной точке общая теория конкуренции договорного и деликтного оснований иска требует специальной адаптации, а не простого воспроизведения.

Для преодоления выявленной неопределенности предлагается следующее правило: при отсутствии письменного договора или иной совокупности достоверных доказательств, позволяющих индивидуализировать спорную обязанность, требование о возмещении возникших потерь подлежит первоначальной квалификации как внедоговорное; договорный режим защиты может быть применен только после доказывания содержания конкретного обязательства заинтересованной в этом стороной.

Отличие предлагаемой презумпции от общего правила о распределении бремени доказывания (статья 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации) состоит в том, что общее правило нейтрально к результату недоказанности и лишь исключает из мотивировочной части решения ссылку на недоказанный факт, тогда как предлагаемая презумпция операционально определяет исход недоказанности – обязывает суд применить внедоговорный режим квалификации, а не оставлять вопрос об основании требования открытым. Презумпция также не создает фикцию заключения договора из одного факта фактического допуска добровольца к деятельности – в этом состоит ее отличие от расширительного толкования конклюдентных действий как акцепта [7].

Предложенная презумпция требует четкого отграничения от иных презумпций, известных гражданскому праву. Презумпция вины причинителя вреда, закрепленная статьей 1064 ГК РФ,

действует на стадии, следующей за уже состоявшейся внедоговорной квалификацией требования: она распределяет бремя доказывания вины между сторонами деликтного отношения и не касается вопроса о том, является ли отношение договорным или внедоговорным. Предлагаемая презумпция, напротив, действует на предшествующей стадии – стадии выбора применимого правового режима – и логически предваряет применение статьи 1064 ГК РФ, определяя, подлежит ли она применению вообще.

Презумпция также отличается от общего принципа субсидиарности деликтного иска по отношению к договорному, сложившегося в судебной практике применительно к развитым договорным отношениям между профессиональными участниками оборота. Согласно разъяснению, содержащемуся в пункте 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», суд определяет, какие нормы права следует применить к спорным отношениям, самостоятельно устанавливая их правовую природу. Указанный общий принцип предполагает, что содержание договорной обязанности уже установлено, и решает вопрос о том, какое требование – договорное или деликтное – подлежит предъявлению при данном установленном содержании [8]. Предложенная в настоящей статье презумпция решает логически более раннюю задачу: она применяется именно в ситуации, когда содержание обязанности не установлено и, что принципиально, устанавливается судом далеко не всегда ввиду специфической неформальности добровольческих связей. Таким образом, для добровольческой деятельности требуется не корректировка правила о субсидиарности деликтного иска, а самостоятельное правило о квалификации требования при недоказанности самого договорного основания, которое отсутствует в общей доктрине конкуренции исков, разработанной применительно к иным видам гражданских правоотношений.

Правовая квалификация заявленного требования относится к компетенции суда, который не связан правовой квалификацией спорного отношения, предложенной истцом, и обязан разрешить спор исходя из установленных фактических обстоятельств, определив подлежащие применению нормы права. Данное общее правило приобретает особую значимость для добровольческих споров, поскольку потерпевший может именовать свое требование взысканием договорных расходов, хотя доказательства подтверждают лишь факт причинения вреда, либо, напротив, ссылаться на деликт, когда из переписки и иных материалов усматривается определенное договорное обязательство организатора. Соот-

ветственно, предметом судебной оценки должны быть не только формальные ссылки стороны на нормы главы 25 либо главы 59 ГК РФ, но прежде всего следующие вопросы: была ли конкретная обязанность согласована сторонами; каково точное содержание указанной обязанности; находилось ли спорное последствие в пределах договорного риска, охваченного данной обязанностью; является ли нарушенное благо относительным имущественным интересом либо абсолютным благом; подтверждается ли причинная связь между поведением ответчика и возникшими потерями. Такая последовательность анализа позволяет избежать формального выбора между договорным и деликтным режимами без учета реальной структуры добровольческого взаимодействия.

Практическая состоятельность предложенной презумпции зависит от убедительного обоснования того, почему риск неопределенности условий добровольческого взаимодействия должен возлагаться именно на организатора, а не на добровольца или благополучателя. Такое распределение опирается на объективное неравенство организационных возможностей сторон, а не на презумпцию виновности организатора или предположение о его недобросовестности.

Организатор добровольческой деятельности формирует правила участия, определяет содержание заданий, располагает доступом к цифровым каналам коммуникации, фиксирует сведения о мероприятии и принимает решения о предоставлении поддержки; иными словами, обладает существенно более широкими организационными и техническими возможностями фиксации условий, в рамках которых возникает добровольческое взаимодействие, чем доброволец [10]. Доброволец, напротив, как правило, присоединяется к уже организованной деятельности, не участвует в подготовке внутренних документов организатора, не определяет порядок регистрации участников и не контролирует доступ к сведениям о мероприятии. Благополучатель, как правило, не формирует организационную инфраструктуру и получает помощь в рамках уже сложившейся структуры отношений, определенной организатором, что по общему правилу исключает возложение на него риска неопределенности условий, которые он не формировал; однако в случаях, когда благополучатель самостоятельно определяет содержание задания, порядок его выполнения или условия возмещения расходов добровольца, минуя организатора, распределение риска должно производиться по аналогичному критерию – в зависимости от того, какой из участников фактически контролировал формирование условий взаимодействия.

Данное распределение риска согласуется с

принципом добросовестности, закрепленным в ГК РФ: если содержание обязательства не было определено надлежащим образом лицом, обладающим для этого организационными возможностями, риск такой неопределенности не должен полностью возлагаться на добровольца, действующего безвозмездно в общественно полезных целях и объективно ограниченного в возможностях документальной фиксации договоренностей. Таким образом риск неопределенности содержания добровольческого соглашения несет субъект, который организует деятельность, формирует правила участия и ссылается на договорный характер ограничения ответственности, – то есть, организатор добровольческой деятельности.

Предлагаемое распределение риска следует отличать от принципа *contra proferentem*, закрепленного в пункте 11 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах». Указанный принцип действует при толковании неясных условий уже заключенного и существующего договора против стороны, предложившей соответствующую формулировку. Предлагаемая же презумпция применяется на более ранней стадии – при недоказанности самого факта существования индивидуализированной обязанности, то есть до перехода к толкованию условий договора, а ее субъективный критерий связан не с авторством формулировки условия, а с организационной ролью лица в добровольческой деятельности.

Даже доказанное существование договора между добровольцем и организатором не означает, что все негативные последствия участия добровольца подлежат квалификации исключительно как последствия нарушения обязательства. Договор способен конкретизировать организационные обязанности сторон – например, обязанность провести инструктаж, предоставить средства защиты либо компенсировать расходы на страхование, – однако он не отменяет общего запрета причинения вреда личности и не исключает применения деликтных норм к последствиям, выходящим за пределы содержания обязательственного интереса. Для демонстрации данного тезиса целесообразно рассмотреть три разнородные практические модели, отражающие различные типы возможных нарушений в добровольческой деятельности.

Модель первая: недоказанные расходы. Организатор направляет гражданину сообщение с просьбой доставить гуманитарную помощь в определенный населенный пункт. Если в переписке прямо указано, что расходы на топливо будут компенсированы при представлении чеков, соответствующее требование имеет договорную природу, поскольку обязанность компенсации инди-

видуализирована. Если же аналогичное указание отсутствовало, а доброволец лишь предполагал возмещение исходя из общей практики организации, требование о компенсации расходов подлежит первоначальной квалификации как внедоговорное в силу презумпции, сформулированной нами ранее, и подлежит удовлетворению лишь при доказывании иными средствами факта согласования обязанности либо по правилам о неосновательном обогащении при наличии соответствующих условий.

Модель вторая: переданное имущество. В рамках того же эпизода доброволец получает повреждение личного автомобиля вследствие использования неисправного прицепа, переданного организатором. Требование о возмещении стоимости ремонта автомобиля подлежит квалификации как внедоговорное – по правилам статьи 1064 ГК РФ, – если установлено, что ущерб стал следствием передачи неисправного прицепа, а соглашение сторон не определяло риск повреждения автомобиля и не содержало обязанности по его возмещению. Договорный характер требования сохраняется лишь в том случае, если прицеп передавался по отдельному соглашению, содержащему условие о его техническом состоянии либо о распределении соответствующего риска. Данная модель наглядно демонстрирует, что один и тот же фактический эпизод способен порождать несколько требований с различной юридической природой в зависимости от степени индивидуализации каждой отдельной обязанности.

Модель третья: вред здоровью и посягательство на нематериальные блага. Жизнь и здоровье гражданина имеют абсолютный характер и охраняются независимо от того, состоял ли потерпевший с причинителем вреда в договорной связи [9]. Подход, при котором вред здоровью добровольца поглощался бы договорной конструкцией только вследствие наличия соглашения об участии в мероприятии, был бы несоизмерим характеру нарушенного блага. Специальный бюджетный механизм компенсации вреда жизни или здоровью добровольца, введенный Федеральным законом от 07.10.2022 № 394-ФЗ в отношении ограниченного перечня видов деятельности в рамках добровольчества, имеет специальный характер и не подменяет общие гражданско-правовые средства защиты: наличие либо отсутствие права на указанную компенсацию не предпринимает вопрос о деликтной ответственности конкретного причинителя вреда. Аналогичным образом наличие соглашения об участии в добровольческой деятельности не превращает репутационный спор в спор о ненадлежащем исполнении договора: посягательство на честь, достоинство и деловую репутацию затрагивает абсолютное личное неимущественное благо, а нефор-

мальный характер добровольческой кооперации повышает зависимость ее участников от доверия внутри сообщества, что придает защите данного блага самостоятельное практическое значение, не поглощаемое договорным контекстом взаимодействия.

Таким образом, договорная связь влияет на квалификацию лишь той части последствий, которая действительно охватывается доказанным содержанием принятой сторонами обязанности, и не способна устранить внедоговорную охрану благ, принадлежащих лицу независимо от его участия в конкретной добровольческой программе.

Разграничение договорного и внедоговорного оснований требования влияет и на состав возместимых имущественных потерь. Гражданское законодательство предоставляет лицу, чье право нарушено, возможность требовать полного возмещения причиненных убытков, если законом или договором не установлен меньший размер возмещения; в контексте добровольческой деятельности наиболее типичным объектом имущественного требования выступают фактически понесенные и документально подтвержденные расходы: затраты на проезд, питание, связь, приобретение необходимых материалов, хранение или ремонт переданного имущества. Между заявленным расходом и действиями предполагаемого ответчика должна существовать юридически значимая, подтвержденная доказательствами связь: нельзя считать возмещаемыми любые расходы, которые гражданин субъективно связывает со своим участием в добровольческой деятельности при отсутствии индивидуализированной обязанности их возмещения либо доказанного деликтного основания.

Безвозмездность добровольческой деятельности влияет на объем возмещения, но не определяет сама по себе квалификацию требования: поскольку доброволец не вступает в отношение с целью получения платы за результат деятельности, он не может обосновывать требование о возмещении неполученного дохода тем, что при надлежащем поведении организатора продолжал бы участвовать в добровольческой программе. Данное ограничение не исключает возможности возмещения реальных потерь, возникших вследствие нарушения права, – компенсации стоимости проезда, оплаченного по согласованию с организатором, либо стоимости личного имущества, поврежденного вследствие неправомерных действий другого участника.

Предложенный подход обладает выраженным профилактическим значением, не требуя превращения каждого акта добровольческого участия в формализованный договор, но предполагая минимальную определенность юридически значимых условий: содержания конкретного за-

дания, перечня предоставляемого имущества и его состояния, условий компенсации расходов, порядка обеспечения средствами индивидуальной защиты, сведений о страховании, распределения обязанностей по инструктажу и информированию о рисках. Такая фиксация выполняет не только доказательственную, но и организационную функцию, позволяя добровольцу заранее оценить пределы принимаемого риска, организатору определить объем имущественных расходов, а суду установить действительное содержание отношения при возникновении спора.

Сформулированные выводы позволяют определить последовательность установления основания гражданско-правового требования при неформальном участии в добровольческой деятельности и образуют содержательную предпосылку двухступенчатого критерия выбора способа защиты. Прежде чем определять применимый способ защиты по статье 12 ГК РФ, необходимо установить материально-правовую природу нарушенного интереса, юридический факт, из которого возникло требование, а применительно к относительному имущественному интересу – степень индивидуализации соответствующей обязанности. Такая последовательность анализа исключает ошибочное определение способа защиты на основании субъектного состава отношения или самого факта участия лица в добровольческой деятельности.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

Во-первых, для квалификации требования, возникающего из неформального участия в добровольческой деятельности, недостаточно установить факт добровольческого взаимодействия или факт организационного вовлечения гражданина в деятельность организатора: определяющее значение приобретает самостоятельный квалификационный фактор – степень индивидуализации обязанности, из нарушения которой заявитель выводит свое требование.

Во-вторых, специфическое для добровольческой деятельности сочетание диспозитивности письменной формы, безвозмездности отношений и организационно-информационной асимметрии между организатором и добровольцем обосновывает необходимость специальной опровержимой презумпции внедоговорной квалификации требования при недоказанности индивидуализированной договорной обязанности.

В-третьих, риск неопределенности содержания добровольческого взаимодействия обоснованно возлагается на организатора добровольческой деятельности как субъекта, обладающего преимущественным контролем над сущностью соответствующего отношения, а не на добровольца или благополучателя, объективно ограничен-

ных в возможностях документальной фиксации договоренностей.

В-четвертых, разнородные практические модели – недоказанные расходы, повреждение переданного имущества, вред здоровью и посягательство на нематериальные блага – демонстрируют, что один фактический эпизод способен порождать несколько требований с различной юридической природой, а универсальным критерием их разграничения выступает не субъектный состав отношения и не факт наличия договора как такового, а степень индивидуализации конкретной обязанности и материально-правовая природа нарушенного блага.

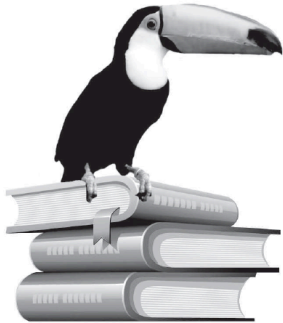
Перспективным направлением дальнейшего исследования и совершенствования законодательства является закрепление в 135-ФЗ минимальных требований к фиксации организатором ключевых условий участия добровольца в мероприятиях, связанных с повышенными расходами, передачей имущества и риском причинения вреда жизни и здоровью, что снизит доказательственные риски всех участников добровольческого отношения без ограничения свободы добровольческой активности.

Список литературы:

- [1] Агibalова Е. Н., Васильева И. В. Современное содержание противоправности деликта и расширение границ правопонимания данной категории // Закон и право. 2025. № 6. С. 150-157.
- [2] Блинова О. Н. О правовой природе договора о добровольческой (волонтерской) деятельности: сравнительно-правовой анализ // Lex Russica. 2020. № 4. С. 76–86.
- [3] Богданов Д. Е. Договорно-деликтная конкуренция лиц с позиций справедливости: pro et contra // Lex Russica. 2024. Т. 77, № 11. С. 74–91.
- [4] Жаворонков Р.Н. Гражданско-правовое регулирование добровольческой и благотворительной деятельности в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
- [5] Драгунова Т. В. Конкуренция договорных и деликтных требований в сфере предпринимательских отношений // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. No 12. С. 106-108.
- [6] Малеина М.Н. Правовая природа, структура связей и содержание договора о волонтерской деятельности // Журнал российского права. 2017. № 8 (248).
- [7] Мышьяков С. В. Конклюдентные действия при заключении, изменении, расторжении договора: юридическая природа // Юридический мир. 2023. № 2. С. 30–37.
- [8] Османова Д. О. Квалификация требования как способ злоупотребления правом // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 11. С. 66-75.
- [9] Плиева Н. Г. Ответственность за нарушение обязательств и деликтная ответственность // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75), № 1. С. 214–225.
- [10] Рыбалка Е. А., Казанцева Е. В. Особенности правового регулирования добровольческой (волонтерской) деятельности в России // Юрист-Правовед. 2024. № 1 (108). С. 20-26.
- [11] Токарева А. А. О нивелировании конкуренции исков в современном цивилистическом процессе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 4 (153). С. 213-218.

References:

- [1] Agibalova E.N., Vasilyeva I.V. The current content of the wrongfulness of tort and the expansion of the boundaries of legal understanding of this category // Law and Law. 2025. № 6. S. 150-157.
- [2] Blinova O. N. On the legal nature of the contract on volunteer (volunteer) activities: comparative legal analysis // Lex Russica. 2020. № 4. S. 76-86.
- [3] Bogdanov D.E. Contract-tort competition of persons from the standpoint of justice: pro et contra // Lex Russica. 2024. T. 77, NO. 11. S. 74-91.
- [4] Zhavoronkov R.N. Civil regulation of volunteer and charitable activities in the Russian Federation: ref. dis.... cand. jurid. sciences. M., 2004.
- [5] Dragunova T. V. Competition of contractual and tort requirements in the field of business relations // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2020. No 12. S. 106-108.
- [6] Maleina M.N. Legal nature, structure of relations and content of the contract on volunteer activities // Journal of Russian Law. 2017. № 8 (248).
- [7] Arsenyakov S.V. Conclusive actions in the conclusion, amendment, termination of the contract: legal nature // Legal world. 2023. № 2. S. 30-37.
- [8] Osmanova D.O. Qualification of the claim as a method of abuse of law // Bulletin of the University named after O.E. Kutafin (MSLA). 2021. № 11. S. 66-75.
- [9] Plieva N. G. Liability for violation of obligations and tort liability // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal sciences. 2023. T. 9 (75), NO. 1. S. 214-225.
- [10] Rybalka E.A., Kazantseva E.V. Features of legal regulation of volunteer (volunteer) activities in Russia // Lawyer-Pravoveda. 2024. № 1 (108). S. 20-26.
- [11] Tokareva A. A. On leveling the competition of claims in the modern civil process // Bulletin of

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.